Меньковский, В. И. Теория модернизации в англо-американской советологии / В. И. Меньковский // Працы гістарычнага факультэта БДУ: Навук. зб. Вып. 4 / Рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] — Мн: БГУ, 2009. — С. 176–182.

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ

Западные исследователи стали уделять серьезное внимание вопросам модернизации Советского Союза в 1960-е гг. В предшествующие годы теория модернизации зачастую отвергалась теоретиками тоталитаризма, во-первых, как потенциально конкурирующая парадигма и, во-вторых, из-за ее вывода о том, что Советский Союз не во всех случаях следует рассматривать как уникальное явление.

Влияние концепции модернизации заметно в работах Б. Мура, А. Инкелеса, З. Бжезинского и С. Хантингтона [1]. Авторы, прежде всего, подчеркивали общее влияние индустриализации и модернизации на общество и ее воздействие на социальную и политическую мобильность. Сторонники теории модернизации считали, что историко-культурные и идеологические факторы постепенно теряют свое значение по мере индустриально-технического развития. С их точки зрения, собственная политика режима, направленная на урбанизацию и индустриализацию, заставляет советских лидеров отходить от «социальной утопии» и принимать во внимание реальные интересы и требования общества [2]. Таким образом, концепция модернизации вступала в противоречие с попытками объяснить динамику советского общества лишь идеологическими мотивами, которые были чрезвычайно важны для тоталитарной теории.

Динамизм развития в значительной степени был связан, по мнению исследователей, с насильственными сторонами советской системы. А. Даллин и Дж. Бреслауэр отмечали, что коммунистические режимы характеризуются обширными программами преобразований, когда глубокие изменения совершаются в короткий период времени. При этом революционный строй стремился использовать насилие для консолидации власти, уничтожая реальных и потенциальных врагов. Даже если режим приходил к власти, опираясь на поддержку населения, он мог не

иметь серьезной альтернативы применению террора, поскольку не владел средствами адекватного материального стимулирования масс. Более того, материальные стимулы могли быть идеологически неприемлемы для коммунистической элиты, особенно на ранней стадии становления режима. Режим также не мог быстро создать необходимое законодательное обоснование власти [3].

На более поздней стадии систематический террор стал доминирующей чертой советской системы — страх превратился в организующий принцип «мобилизационного развития». Термин «мобилизационная система» использовался рядом авторов, например Г. Спиро, вместо «тоталитарной системы» для характеристики стремления государства установить контроль над всеми человеческими и экономическими ресурсами общества и направить их на достижение единственной доминирующей цели [4]. Элита, проводящая эти изменения, ожидала растущего сопротивления и отчуждения части общества и идентифицировала определенные слои как требующие упреждающего давления, угроз или устранения.

Но этот процесс имел тенденцию к собственной динамике и стал поглощать целые социальные группы, уничтожать любую автономию в обществе, распространившись и на сторонников режима. Когда террор перестал выполнять функции контроля и стимулятора изменений и превратился в непродуктивный инструмент политики, это означало, что система вышла за пределы мобилизационной стадии.

Для режима, достигшего успехов в индустриализации и собственной легитимизации, стали характерными три тенденции: 1) большая опора на материальные стимулы; 2) снижение роли террора, рассматривавшегося элитой как нефункциональный метод; 3) растущая бюрократизация и опора на административно-бюрократические процедуры. А. Даллин и Дж. Бреслауэр называли подобный переход «революцией растущих ожиданий» [3, p. 8].

Выводы теории модернизации, социологической по своей сущности, широко использовались в историко-экономических и исторических работах. Однако следует отметить, что само понятие «модернизация» имело достаточно разные толкования. Е. Петров справедливо отмечал, что в значительной по объему специальной и еще более обширной неспециальной литературе мы не найдем двух одинаковых его расшифровок [5]. Для некоторых авторов (У. Ростоу) «модернизация» связывается преимущественно с экономическим развитием, для других (М. Леви, С. Эйзенштадт и др.) — с социально-политическим, у треть-

их (Т. Парсонс, Н. Сменсер, Р. Бендикс, Д. Эптер, С. Блэк) она вмещает совокупность экономических, социальных и политических изменений в обществе. У одних авторов (Р. Уорд, Р. Макридис, Дж. Неттл, Р. Робенсон) «модернизация» — специфическое явление, вызванное необходимостью подтягивания не западных стран до западного уровня, у других (М. Леви, С. Эйзенштадт) — это общеисторическое явление, определенная стадия или даже целая эпоха в развитии всех стран, включая западноевропейские.

Возникновение теории модернизации лишь частично было связано с советской историей. Прежде всего, она явилась отражением процессов, происходивших в государствах третьего мира. Антиколониальное движение привело к возникновению целого ряда новых государств, которые столкнулись с проблемами экономической отсталости, крайне низкого жизненного уровня населения, слабостью политических институтов. Развитие чрезвычайно отсталых регионов стало одной из наиболее драматических проблем мирового сообщества и привлекло внимание исследователей.

Тема отставания в развитии, точнее стартового (первоначального) отставания, и его преодоления впервые в советологии была проанализирована в сборнике «Трансформация русского общества: Аспекты социальных изменений с 1861 г.», составленном на основании материалов конференции, прошедшей в Нью-Йорке в апреле 1958 г. [6]. Участники форума, среди которых были экономисты, социологи, экономические историки, предложили новый взгляд на проблему советского развития, которое рассматривалось в контексте общемировых тенденций, а не в противопоставлении им, как это было характерно для тоталитарной школы. Основное внимание было уделено модернизации страны, понимаемой как процесс перехода от аграрного к индустриальному обществу, базирующийся на значительном углублении человеческих знаний. Впервые, сравнивая Советский Союз с некоммунистическими странами, исследователи подчеркивали не только различия, но и общие черты. Например, рассмотрение истории индустриализации в России не ограничивалось сталинским периодом. Она анализировалась как процесс, начатый в конце XIX в. и продолженный большевиками.

С точки зрения А. Гершенкрона, сталинская политика должна была рассматриваться, прежде всего, как реакция на экономическую отсталость страны и продолжение курса на «вестернизацию», начатого реформами С. Витте. Подобный взгляд был поддержан также Т. фон Лауэ,

К. Блэком, У. Ростоу [7]. Хотя предложенные аргументы были достаточно схематичны, заявленная позиция представляла интерес в качестве нового аспекта советологии. Сталинская политика рассматривалась в большей степени как ответ на реальные нужды страны, чем продолжение идеологической концепции, предложенной Лениным. Например, А. Органски писал, что он предпочитает использовать термин «сталинизм», а не «коммунизм» при описании периода индустриализации [8]. При этом сталинские методы не оправдывались, более того, подчеркивались архаизм и жестокость многих мероприятий, превалирование насильственных методов решения сложных проблем. Действия советского руководства, с точки зрения многих авторов, далеко не всегда были адекватны сложившейся ситуации.

В середине 1960-х гг. внимание специалистов привлекли статьи, а затем и монография А. Ноува, рассматривавшего вопрос о «необходимости» Сталина для советского развития. То, что может быть названо сталинизмом, писал он в работе «Экономическая рациональность и советская политика: Был ли Сталин реально необходим?», являлось продуктом индустриализации, а точнее, решения об ускоренном развитии тяжелой промышленности. Поскольку это решение было непопулярным, для его реализации необходимо было применять социальное принуждение. Отсюда возникала и неизбежность полумилитаризированной партии и диктатора [9]. В своих более поздних работах А. Ноув вновь отстаивал данную точку зрения. Например, в опубликованной в середине 1970-х гг. монографии «Сталинизм и после» он писал, что относиться к Сталину просто как к человеку, одержимому жаждой власти, было бы неполной правдой. Реальной причиной формирования сталинского режима была проблема индустриализации, уходящая своими корнями во время царей, войн и революций [10]. А. Ноув открыто не оправдывал Сталина, но был достаточно близок к этому.

Другой точки зрения придерживался американский историк и экономист А. Эрлих. Он впервые в англо-американской историографии проанализировал внутрипартийную борьбу 1920-х гг. не только как борьбу за власть между «наследниками Ленина», но и как «дебаты об индустриализации». А. Эрлих пришел к выводу, что сталинский выбор стратегии развития страны в 1928—1929 гг. был обусловлен как политическими, так и экономическими причинами, которые следует рассматривать только в комплексе. Альтернативы, отвергнутые Сталиным, по мнению А. Эрлиха, могли принести Советскому Союзу лучшие результаты и потребовали бы меньших человеческих и материальных за-

трат [11]. Этот вывод во многом предопределил направление дальнейших дискуссий о советской индустриализации и сталинской стратегии модернизации в западной историографии.

Но теория модернизации поддерживалась далеко не всеми советологами. Так, австралийский исследователь Г. Гилл выразил несогласие с вариантом объяснения истоков сталинизма, основанного на

тезисе об отсталости России, стремлении большевиков как можно быстрее индустриализировать страну и неизбежности генезиса диктаторского режима. Он соглашался с тем, что цели большевиков в сочетании с социально-экономическими условиями, в которых оказался новый режим, делали насильственную диктатуру возможной. Однако это не означало, что сталинизм был неизбежен. Политические деятели имели возможность выбора, они не были жестко связаны системой ценностей или институтов, которые обязывали идти только по сталинскому пути [12]. Традиционная русская культура могла способствовать выбору этого варианта, как подчеркивали, например, М. Левин и Р. Такер [13], но не делала его единственно возможным. Марксизм в ленинской интерпретации, конечно, имел внутреннюю связь и много общего со сталинизмом, но также давал возможность разных вариантов развития и не вел автоматически к сталинизму.

Российская отсталость и большевистская идеология были факторами, способствовавшими возникновению сталинизма, но не являлись решающими. Наибольшее значение для генезиса сталинизма, по мнению Г. Гилла, имело принятие решений о «революции сверху» и терроре. Это не означало, что советские лидеры, принимавшие данные решения, таким образом, сознательно устанавливали сталинскую систему, это не было их целью. Также нельзя считать, что какое-либо одно решение привело к курсу на «революцию сверху» и террору. В обоих случаях события были результатом ряда решений, приоритетность которых все еще вызывает споры в академическом сообществе. Но самым важным является то, что эти решения и события не были продолжением ранней стадии советского развития, они означали резкий разрыв с ней, осуществленный по воле советского политического руководства. Таким образом, сталинизм нельзя рассматривать как неизбежный результат революции 1917 г. и ленинской (большевистской) идеологии. И революция, и большевизм несли в себе черты, как проявившиеся потом в сталинизме, так и отвергнутые им. Именно политические решения оказались первостепенно важными для генезиса сталинской системы. Принятие этих решений было связано как с персональным ста-

линским влиянием, так и с наличием определенных социальных сил, заинтересованных в них [12, p. 59, 62—63, 69].

Признавая, что как феномен сталинизм не поддается легкой категоризации, Г. Гилл, используя аналогию с выделением черт «тоталитарного синдрома» К. Фридрихом и З. Бжезинским, предпринял попытку выделить характерные черты «сталинского синдрома». К числу важнейших признаков сталинизма он отнес: 1) формально высокоцентрализованную, направляемую экономическую систему, характеризующуюся массовой мобилизацией и приоритетным развитием тяжелой индустрии; 2) социальную структуру, первоначально характеризующуюся высоким уровнем социальной мобильности, приводящей бывшие низшие классы на властные и привилегированные позиции, а затем закрепляющую результаты структурализации в рангах, статусах и иерархии; 3) политическую мотивированность сфер культуры и интеллектуального труда, определяемую целями и интересами высшего руководства; 4) личную диктатуру, базирующуюся на терроре, при которой политические институты являются не более чем инструментами диктатора; 5) политизированность всех сфер жизни, которые таким образом становятся областью государственных интересов; 6) слабо структурированную систему местной власти, возникшую в результате сочетания концентрации власти в центре и его неспособности осуществлять контроль; 7) вытеснение первоначальных революционных тенденций консервативной ориентацией, направленной на сохранение существующего положения [12, p. 57—58.].

Ревизионистский подход предполагал использование методов и концепций, заимствованных из других дисциплин, и был основан на номотетической методологии, предполагавшей наличие внутренних закономерностей развития, применении дедуктивно-гипотетического метода для анализа скрытых процессов, происходивших в СССР. Таким образом был сделан важный шаг, приближающий советологию к современному пониманию истории как научной дисциплины, использующей не только специфические, но и общенаучные методы исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Moore, B.* Terror and Progress USSR: Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship. Cambridge, 1954; *Inkeles A.* Models and Issues in the Analysis of Soviet Society // Survey. 1966. July. P. 3—17; *Brzezinski Z., Huntington S.* Political Power, USA/USSR. New York, 1965.

2. *Lowenthal, R.* Developments vs. Utopia in Communist Policy / R. Lowenthal // Change in Communist Policy. Stanford, 1970. P. 108—116.

3. *Dallin A., Breslauer G.* Political Terror in Communist Systems. Stanford, 1970. P. 5.

4. *Schapiro, L.* Totalitarianism. New York, 1972. P. 111.

5. *Петров, Е. В.* Американское россиеведение. Словарь-справочник. http://petrov5. tripod. com/welcome. htm.

6. The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, 1960.

7. *Gerschernkron, A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962. P. 28—29; *Rostow W.* The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1960. P. 66.

8. *Organski, A.* Stages of Political Development. New York, 1975. P. 94.
9. *Nove, A.* Economic Rationality and Soviet Politics: Or, Was Stalin Really Necessary? New York, 1964.
10. *Nove, A.* Stalinism and After. London, 1975. P. 29.
11. *Erlich, A.* The Soviet Industrialization Debate, 1924—1928. Cambridge, 1960. P. 164—187.
12. *Gill G.* Stalinism. N. J., 1990. P. 26.
13. *Lewin, M.* The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985; *Tucker R.* The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change / rev. ed. New York, 1971.